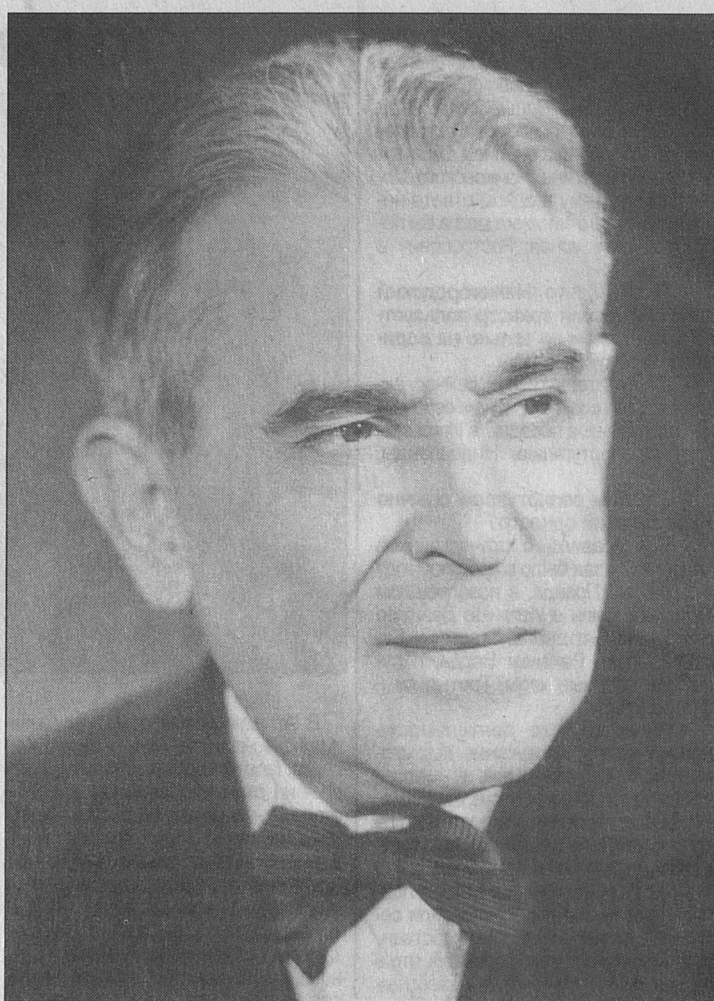

Бант имени Мейерхольда

Режиссер, прозаик, драматург и сценарист Александр КАНЕВСКИЙ в свое время был одним из постоянных авторов таких передач, как "Кабачок 13 стульев", "Вокруг смеха", радиопередачи "С добрым утром". Десять его пьес шли на сценах театров СССР и других стран. 15 лет он преподавал в Музыкальном училище имени Гнесиных: готовил артистов для музыкального театра. В Израиле Александр Каневский был издателем юмористических журналов для взрослых и детей "Балаган" и "Балагаша" и художественным руководителем первого в Израиле Театра комедии "Какаду". Сегодня он руководит Международным центром юмора и пишет книгу "Смейся, паяц!", которая в конце этого года выйдет в Израиле, а в будущем году — и в Москве. Мы предлагаем вашему вниманию главу из книги — о выдающемся российском режиссере Леониде Варпаховском.

Л. Варпаховский

Леонид Викторович Варпаховский появился в моей жизни случайно. Когда он вернулся после семнадцати лет, проведенных в заключении, то не сразу был допущен в московские театры: его имя было связано с Мейерхольдом, и это пугало чиновников от искусства. Поэтому он пока ставил спектакли в Грузии, на Украине, в Ленинграде. Потом Союз кинематографистов СССР предложил ему поставить шоу — открытие Первого Московского международного кинофестиваля. Сценарий этого шоу заказали мне — вот так мы и встретились. Это был красивый, элегантный человек, с седыми висками и с бантом на шее, завязывать который его научил Мейерхольд. Леонид Викторович очень этим гордился, ни с кем секретом не делился, но в знак нашей дружбы обещал завещать его мне — увы, не успел.

Он был тапером в кинотеатрах, руководил джазовым коллективом, занимался цветомузыкой, учился в консерватории, потом в МГУ на искусствоведческом отделении литературного факультета, потом — в студии Вахтангова, был научным секретарем у Мейерхольда, занимался режиссурой... В 1936 году его арестовали "за содействие троцкизму" и сослали в Казахстан. Там же снова арестовали "за контрреволюционную агитацию" и приговорили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Его отец — московский присяжный поверенный, а мать — режиссер, педагог, выпускница Института благородных девиц. В доме у них постоянно бывали Маяковский, Гельцер, Шалляпин, Бурлюк. Он рос в атмосфере

театра, кино, стихов, музыки. Аристократ и интеллигент, пройдя сквозь семнадцать лет ссылки и колымских лагерей, он сохранил поразительную доброту, деликатность, любовь к людям и удивительную "детскость" и озорство — об этом я расскажу чуть позже.

Заказывало сценарий фестиваля Бюро пропаганды советского кино, там же его и принимали. Худсовет был очень разношерстный, присутствовали и народные артисты уровня Бориса Андреева, и администраторы и помрежи. Читал Леонид Викторович, слушатели прекрасно реагировали, но одна из помрежей все время его прерывала вопросами и замечаниями. Я видел, что он нервничал, стал сбиваться. Во мне закипала злость, и, когда она в очередной раз прервала его, я взорвался:

— Белла Дмитриевна! Режиссер читает сценарий, вы мешаете своими вопросами! Когда дело коснется оливок и гвоздей, ваше мнение будет бесценным. А пока — помолчите!

Она вспыхнула, что-то фыркнула, но уже до конца худсовета молчала. Сценарий приняли очень хорошо. Когда мы возвращались, он поблагодарил:

— Спасибо, Сашенька, что вы вмешались — она не давала мне нормально читать.

— Вам не стыдно? — спросил я. — Вы, режиссер Варпаховский, не могли осадить эту нахалку!

— Проклятое воспитание: отец су-

рово наказывал нас, если мы были грубы с горничной или кухаркой — нас не пускали гулять, лишали сладкого. Он говорил: "Они от тебя зависят и не могут ответить. Если ты такой храбрый — нападай на тех, кто выше тебя по рангу или хотя бы на твоим уровне". Это вошло в меня на всю жизнь, ничего не могу с собой поделаться.

(Я тогда еще раз подумал, какую великую школу воспитания мы потеряли с уничтожением российского дворянства! Подумал и печально вздохнул.)

Варпаховский помнил о своем происхождении, но никогда не кичился им — наоборот, часто над ним подшучивал. Например, говоря о своей второй жене, Иде Самуиловне, бывшей одесситке, он с трагическим видом произнес:

— Что творится, Сашенька, что происходит: я, потомственный дворянин, женился на дочери одесского биндюжника!.. Сашенька, гибнет дворянство, гибнет!

Его первая жена, пианистка Маликовская, ученица Нейгауза, уже тогда гастролирующая по Европе, после его высылки была расстреляна "за шпионаж", а шестимесячного сына лишили его фамилии и отдали в какой-то детский дом. Мальчика потом с трудом отыскала сестра Леониды Викторовны (вспоминая об этом, он как-то сказал мне: "Я читал, что даже при Иване Грозном опричникам запрещалось убивать кормящих матерей!")

С Идой Самуиловной Зискинд он познакомился на Колыме, она тоже была в лагерях как жена одного из расстрелянных советских военачальников. Он там поставил "Травиату" — она пела "Виолетту", тогда они и полюбили друг друга. После каждого спектакля ее и всех хористок под конвоем уводили обратно в лагерь. Он шел сзади и насвистывал арию Виолетты, чтобы она знала, что он ее провожает. Нельзя было это делать открыто, потому что ее могли больше не привести. До конца дней она была его верным и преданным другом, он очень любил ее, что не мешало ему подшучивать над ней. Как-то она все жаловалась на свои больные ноги, что они "нюют и крутят". Он ответил фразой, которую я потом передал одному из персонажей моей повести "Тэза с нашего двора":

— Не надо было ходить с Моисеем через море!

У них была дочь Аня, ставшая актрисой, снимавшаяся во многих советских фильмах (сегодня она живет в Америке, открыла театр имени Варпаховского).

Аня хорошо училась в школе, у нее были сплошные пятёрки, и я слышал, как Леонид Викторович просил ее:

— Анька, пожалуйста, получи хотя бы одну двойку — мне стыдно быть отцом круглой отличницы!

Мы с ним очень подружились. У нас была разница в двадцать пять лет, но я ее не чувствовал: до конца дней своих он оставался молодым, озорным, авантюрным. Расскажу один случай.

В те годы на экранах шел итальянский фильм "Журналист из Рима", который очень нравился зрителям, а артист Альберто Сорди, игравший главного героя, превратился в общепризнанного любимца. У меня с этим артистом было определенное сход-

ство, это признавали все, и Леонид Викторович, обращаясь ко мне, стал называть меня или Альберто, или синьор Сорди. Однажды летом он отдыхал в Эстонии, в городе Пярну, и настойчиво призывал меня туда приехать. Я послал ему телеграмму: "В июле там невозможно снять комнату". Он ответил: "Невозможно. Но с вашим обаянием римского журналиста устроитесь". Мы с Майей посоветовались и решили ехать. Перед отъездом я отправил ему телеграмму: "Выезжаем. Будем такого-то. Обнимаю. Альберто Сорди". Как потом мне стало известно, он с этой телеграммой пришел в самую лучшую гостиницу и попросил показать номер. Администраторы в ответ засмеялись: "У нас все забито, негде иголку воткнуть. И еще броня ЦК, горкома, райкома..." Леонид Викторович протянул им мою телеграмму: "Посмотрите, для кого я прошу". Подпись на телеграмме произвела шоковое впечатление: "Ой! Сорди! Неужели?! Конечно, мы его примем, приводите!"

Назавтра мы прибыли. Леонид Викторович спросил:

— Саша, вы хотите жить в хорошей гостинице?

Я ответил по-одесски:

— Или!

— Не просто в хорошей, а в самой лучшей, на берегу моря?

— Конечно, хочу!

— Тогда вам придется побыть итальянцем.

— То есть? — не понял я.

Он посвятил меня в ситуацию и объяснил, что будет выдавать меня за Альберто Сорди.

— Но я же намного его младше — они это увидят!

— Вас могли в кино загримировать. Словом, улыбайтесь крупным планом и говорите абракадабру — я буду переводить.

Увидев висащий у меня на руке модный тогда плащ "болонья", велел:

— Наденьте.

— Жарко.

— Все равно наденьте — в нем вы более итальянист.

Когда мы вошли в вестибюль гостиницы, он приказал: "Улыбайтесь!" — и я, распахнув рот, выдал "кинематографическую" улыбку до самых ушей. За стойкой сидели три женщины-администраторы и с повышенным интересом следили за нашим приближением. Подойдя к ним, продолжая держать улыбку, я произнес свою первую "итальянскую" фразу, что-то вроде: "Фанталино матари матати матути марле!"

— Что он говорит? Что он говорит? — женщины сгорали от любопытства.

— Альберто Сорди сказал, — "перевел" Леонид Викторович, — что он никогда не думал, что в Эстонии такие красивые женщины.

Все три администраторы были повержены и смотрели на меня с восторгом и обожанием. Я продолжал нести абракадабру, Варпаховский "переводил", женщины радовались. Потом одна из них попросила мой паспорт. Я выдал очередное "матари, матати", и Леонид Викторович объяснил:

— Паспорт у переводчика — потом отдадим.

— Хорошо, хорошо, ничего страшного! Пойдемте. — Одна из них поднялась и повела нас в номер, который уже был подготовлен к приему дорогого гостя: на столе стояли бутылки боржоми, цветы и фрукты. — Располагайтесь.

Получив от меня очередную киноулыбку, она ушла. Мы остались одни.

— Вот что, Сашенька, — сказал Леонид Викторович, — я уже старый человек, когда меня бьют ногами, мне не нравится. Поэтому я ухажу, а вы

расхлебывайте все сами. Жду ваше тело в скверике у гостиницы.

Он вышел, а я, по инерции все еще продолжая улыбаться, принял душ, выпил боржоми, вынул из булгута три самые большие розы и спустился в вестибюль. Мои администраторы сидели на своих местах. Я направился к ним.

— Когда синьор принесет паспорт? — спросила одна, произнесла паспорт "по-заграничному", с ударением на "о". — Паспорта! — помогла ей вторая, третья уточнила: — Паспортина!

Я ответил им на чистом русском языке:

— У меня нет итальянского паспорта. Дело в том, что я — не Альберто Сорди. Но неужели вы заберете у меня номер, только потому, что я не итальянец?..

Произнося эти фразы, я каждой вручил по цветку. Они не сразу пришли в себя. Нервно хохотнули, потом, посоветовавшись, вынесли вердикт:

— За то, что вы нас так красиво провели, разрешаем остаться в этом номере до утра. А утром, синьор Сорди, пожалуйста, чао, бамбино!

Варпаховский сидел на скамейке у входа в гостиницу и читал газету. Когда я вышел, он, не оборачиваясь, произнес:

— А вы молодец, Сашенька! Я ждал, что вас выбросят минут через десять, а вы продержались почти час!

Он был удивительно молодой душой, откликнулся на любые предложения, озорные, авантюрные и даже порой хулиганские. Например, у нас было такое развлечение: будучи на пляже, мы покупали банку какого-нибудь варенья, мазали им тело, лицо, ноги, руки... Потом катались по слою опавших сосновых иголок (в Пярну вдоль моря растут сосны), которые прилипали к варенью и делали нас

похожими на дикарей. В этом устрашающем виде мы с прыжками и криками выбегали на поляну, где толстые мамы на примусах жарили рыбу для своих толстых детей. Испуганные, они хватили своих чад и утащивали их подальше от страшных дикарей, оставляя сковородки со вкусно пахнущей жареной камбалой. Естественно, дикари не выдерживали этого искушения и похищали добычу, оставляя взамен полбанки неиспользованного варенья.

В Москве Варпаховский работал много и самозабвенно, как бы пытаясь наверстать украденные годы: ставил спектакли в Малом театре, во МХАТе, в театрах имени Станиславского и Моссавета, руководил творческим семинаром на Высших режиссерских курсах, был членом совета Всесоюзного театрального общества и вел там творческую лабораторию, организовывал фестивали, сотрудничал с телевидением, писал статьи...

— Как вы успеваете? — спросил я его. И он ответил:

— Я придумал, как удлинить сутки: возвращаюсь домой после репетиций в пять, обедаю, ложусь спать до семи и потом работаю до двух — получаю как бы еще один рабочий день.

Заканчивая эту главу, расскажу еще один эпизод, связанный и с Леонидом Викторовичем Варпаховским, и с Фаиной Георгиевной Раневской. Он ставил в Театре имени Моссавета спектакль "Странная миссис Сэвидж". Я приехал в Москву и, как всегда, сразу позвонил ему. Он обрадовался и попросил, чтобы я сегодня же пришел на генеральную репетицию этого спектакля. Конечно, я пришел и по сей день сохранил впечатление от этого просмотра. Играли очень хорошие актеры, заслуженные, народные, но когда на сцене появилась Раневская в роли миссис Сэвидж, все остальные исполнители для меня как бы исчезли, она возвышалась над ними (да простят они меня за это сравнение!), как кукловод над марионетками. Она была Великой актрисой и еще раз подтвердила это.

В антракте я передал Леониду Викторовичу свое восторженное впечатление.

— Сашенька, умоляю, пойдемте к ней и перескажите ей все это: она меня измучила сомнениями, каждый день требует каких-нибудь переделок, а премьера уже послезавтра!

Мы зашли в примбуторную к Раневской, и я начал:

— Фаина Георгиевна! Я всегда любил вас, но после этой роли я вас не просто люблю, я в восторге, я...

— Стоп, стоп, стоп! — прервала она меня. — Голубчик, сядьте поближе и все это расскажите сначала, медленно и проникновенно — обожаю, когда меня хвалят!

Леонид Викторович Варпаховский ушел из жизни в 1976 году, он вернул себе славу, почет, звания, но не смог вернуть здоровье, которое у него отобрал сталинский режим.

Спасибо, дорогой мой Леонид Викторович, за то, что вы были в моей жизни!

Александр КАНЕВСКИЙ

Слева: Л. Варпаховский. Справа: Ф. Раневская в спектакле "Странная миссис Сэвидж". 1966 г.

